

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ РЕФЛЕКСИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВА, ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ, ИХ ОФОРМЛЯЮЩЕЙ

Статья инициирована выступлениями участников «Круглого стола», прошедшего 30.03.2009 г. на философском факультете ТГУ по теме «Право на жизнь и ответственность жить».

Ставится проблема возможного переосмысления понятия права, которое в юридической науке оформилось в рамках стиля мышления классической философии и базировалось на понимании социальной реальности как устойчивой в своих законах развития. Динамика современного мира и новый стиль философского мышления потребовали указанного переосмысления.

Ключевые слова: деконструкция; онтология переходности; частные методологии; онтология права; серьезное/игровое; классическое/неклассическое право; игровое мышление.

Обозначенная в названии статьи тема вызывает теоретический интерес, ибо на фоне трансформаций, произошедших в философии в XX в., встаёт потребность возможного переосмысления проблем конкретных наук, испытывающих на себе методологический резонанс в их философской концептуализации. Являет ли собой в этом отношении исключение наука о праве? Юридические науки в целом привлекают к себе особое внимание в связи с их явной антропологической направленностью и откровенным участием в решении вопроса о человеческих судьбах. Поэтому их отклик на изменения в общем стиле современного философского мышления актуален, безусловно, интересен и мог бы стать предметом обсуждений как юридической, так и философской общественности. Актуальность и интерес вызывает вопрос о характере возможных методологических обоснований изменения в самом понятии права, ибо если иметь в виду прямой резонанс, идущий от философии, то следует говорить о либерализации правовых отношений, контекстуальности правовых решений и индивидуализации подходов к вынесению приговоров. Может ли идти на это наука о праве? Не явится ли встреча философии и права обоснованием возможности всеоправданности и, соответственно, вседозволенности? Но вначале скажем, почему появляются эти вопросы? Какую санкцию на них даёт философия?

В XX в. философия изменила характер собственной методологической работы, когда её метафизические конструкции, изначально полагающие необходимость центрального властного начала («архе»), претерпели явление деконструкции и стали уступать место связям, лишённому единого центра, легитимным в своей свободе и самоорганизации. Ни *cogito* Декарта, ни трансцендентальный субъект Канта, ни Абсолютная идея Гегеля, ни производственные отношения Маркса – ничто не обеспечивает теперь общую стабильность, ибо потеряна тотальная метафизическая власть центральной основы, удерживающей в единстве всю систему.

Философия перестала видеть собственные построения только в плане возведения многообразия сущего к единству сущностно-понятийных представлений, перестала создавать онтологические схемы лишь соответственно принципам необходимости, всеобщности, абсолютности и вневременности. Это явилось причиной ухода от традиционного онтологического видения мира как объективированного, застывшего в вечности понятийных конструкций. Классическая онтологическая парадигма, начало которой было положено Пармени-

дом и которая обрекла философию на мысль о реальности в её неподвижности, уступила место видению её в гераклитовских характеристиках движения и постоянной неустойчивости.

Философские изменения XX и XXI вв. происходят на фоне кардинальной трансформации социокультурной реальности, которая, подчиняясь новому стилю философского мышления, не может не концептуализироваться по-новому, иначе схватываться теоретически и конструироваться технически. Она предстаёт в другой онтологической схеме. Новое, конечно, связано с современным характером постметафизической онтологической мысли, которая после деконструкции власти «архе» оказалась во власти лингвистического поворота и отбросила всяческую идею репрезентации объективной реальности. Потеряв референциальную предметность, онтология предстала знаками, непрерывностью переходов и постоянством движения. В языковой номинации утрачивает свою реальность всякая действительность. Деконструкция, таким образом, связывает себя с дискурсивностью онтологий и их языковыми характеристиками.

Мир, представленный знаками, превращается в мир как текст, обретает структуру кода, с помощью которого он становится возможным для чтения, письма и понимания. Он уже больше не картина, снимающая его объектность, но текст, совокупность знаков и символов, структур, которые должны и могут быть прочтены индивидом. Бытие репрезентировано мельканием «переходов» и «разрывов», маргинальностью постоянно меняющихся знаков, текстуальных смыслов и значений, пульсацией и мерцанием знаковых изменений. Дискурсивно оно предстаёт в «швах», «нестыковках», «лакунах». Ушла достигнутая классикой целостность и рациональность. В бытие пришла повседневность с её «ляпсусами», «промахами», «противоречиями», сновидениями, истолковываемыми в терминах бессознательного [1. С. 19–20]. «Зияния», «преткновения», «надломы», «срывы» [2. С. 27, 31] не позволяют создать строго целостную, строго логическую теоретическую систему. Ей на смену пришла дискурсивная асимметрия.

В новых онтологических конструкциях исчез объективный референт реальности, ибо безостановочный переход и непрестанные инновации оставляют в качестве такового (референта) лишь «след», «разрыв», «внепредметную безосновность». «Переходность» становится не временным состоянием перехода от одних условий социального бытия к другим, но приобретает качество нормы существования в «между» как посто-

янности пребывания на трансформирующейся границе. Имея в виду необходимость нового способа осмысления мира, об онтологических построениях сегодня говорят как об «онтологиях «пере-» [3]: их репрезент – «ничто», «*между*» как внепредметность разрыва и перехода. Внимание к фактору «между», к отношениям, к движению и организации социальности без ведущей и базовой субстанции-центра актуализировало калейдоскопические изменения социальности, повергающие социальное бытие в маргинальное, «мерцающее» и «пульсирующее» состояние. Оно живет полионтологическими меняющимися структурами. Чем активнее и интенсивнее они изменяются, тем более устойчивым оказывается общество. Парадоксальность современной социальности в том, что она может быть устойчивой лишь в случае непрерывного движения.

Итак, полионтологичность и поликультурность социальности есть итог и результат её постметафизической концептуализации. Такая концептуализация социальной реальности является адекватной информационному состоянию общества, когда утрачивая в многочисленных и постоянно обновляющихся информационных потоках базовость субстанциального основания, общество больше не подчиняется логической выверенности и требует новой формы организации. Его современная конституция – это взаимодействия, коммуникация различных субъектов и многочисленных не выстроенных иерархично, равноправных социальных структур.

Социальным следствием (которого не могут игнорировать все социальные науки, в том числе и юридическая наука тоже) состояния общества, увиденного в «разрывах», «переходах», в бесосновном и внепредметном пространстве «между», является его способность втянуть в себя человека как втягивает воронка, образующаяся в тихих заводях и омутах. Но следствием также является и выработанная обществом как самозащита и способ выживания в этих условиях способность к постоянному техническому конструированию и переконструированию себя. Отпавшая необходимость создаваться только в обязательной привязке к метафизическому «архе» дала свободу технического вмешательства, санкционировала возможность опереться хоть и на искусственно созданную, но надёжно защищающую общество субъективную предметность, отказывающую беспредметности в том, чтобы втянуть человека в пропасть бесосновности. Предметная реальность превратилась в реальность виртуальную, информационно-знаковую, искусственно созданную субъектом, которая и стала домом современного человека. Так постметафизический деконструктивистский стиль философского мышления с его возможностями построения текстовых онтологий спровоцировал социальную виртуальность, в которой основным ресурсом оказалась информация, которая в своих бесконечных и безостановочных изменениях создаёт «поток ситуаций» (Э. Тоффлер) и ускоряет темп жизни. Информация сжимает пространство, мир перестаёт работать в пространственном режиме, и его доминантой становится время.

Информационная структура современной социальности как способ её самозащиты создаёт условия, в которых общество больше не укладывается в категории ни истинности, ни ложности, но подчиняется дискурсивному богатству воображения субъекта, ассоциаций,

фантазий и т.п. Извечное классическое противостояние, когда «чистый разум» собственной рефлексивной властью с нарциссической высоты конституировал объект путем заключения его в рамки единой истины, – такое противостояние теперь невозможно. Созданная субъектом искусственная сила информации самостоятельно осуществляет серьезные трансформации. Именно потому современное бытие явилось в своей гетерогенности, плюральности, полионтологичности, полисубъектности. Субъект не может больше подчинить его себе полностью, ибо, потеряв нарциссическую дистанцию, он приобрел разносторонность и полноту либеральной оптики изнутри. Истина, ранее открывавшаяся ему как единая, распалась на исторические, временные, контекстуальные и ситуационные смыслы. Либерализм современного мировоззрения состоит в том, что гомогенная истина уступила место гетерогенному смыслу, а познание как однонаправленный процесс, в едином фокусе высвечивающий истину, дополнилось возможностью плюральной интерпретации, каждый раз нагруженной контекстом ситуации.

Именно эта культурная специфика квалифицируется сегодня как задающая мотивы кризиса, разрушения и нестабильности, тотальной власти символического порядка, который оделся в либеральные одежды ПР-технологий, языка, многообразия образов и знаков, создающих современное бытие в калейдоскопической изменчивости. Может ли в социальной реальности, не выстроенной на чистой логике, непрозрачной в своих изменениях, не прогнозируемой в знаковых конфигурациях, не поддающейся разумному конструированию – может ли в такой реальности сохраниться классическая логика права и строгости соблюдения правового закона? Философия, предлагая юридической науке такой вопрос, не хотела бы выступить с инициативой правового беззакония и беспорядка, но вопрос напрашивается. Его провоцирует постметафизический деконструктивистский стиль современного философского мышления с его возможностями построения текстовых онтологий и соответствующей провокацией социальной виртуальности, в которой основным ресурсом становится информация, создающая в своих бесконечных и безостановочных изменениях либеральный «поток ситуаций» (Э. Тоффлер). Общий процесс либерализации сказался на легитимации свободы ризомных социальных и культурных миров, и юридический мир не может являть себя не затронутым этими процессами.

Новый характер онтологического видения мира не мог не сказаться на характере как философского, так и научного знания. Обновление, которое переживает философия в последние десятилетия, потеря её властной силы, сказывающейся в порождении онтологических схем мира, ведёт к тому, что она пересматривает отношение к возможности и собственного властвования в социальном мире и в мире науки. XX в. стал свидетелем ухода философии с позиций рационального ядра культуры, отказа от власти, всегда являвшейся её классической прерогативой и всегда обуславливающей её порождающую силу в онтологических конструкциях. Ушёл и её нарциссизм в системе наук, философия демократизировалась благодаря рождению новых – неклассических – традиций и тенденций в стиле своего

мышления. Стилиевые неклассические трансформации современной философии связаны, таким образом, с изменением её призмы смотрения на мир.

Предлагая мыслить по-новому – вне властной силы единого начала-«архе», современная философия положила возможность новых способов научных теоретизаций и построения онтологий науки нового характера. Новизна, в первую очередь, коснулась их необходимой стабильности. Из устойчивых и абсолютных в своих «расколдовываниях» тайн природы и общества они, потеряв силу «схватывания» вечных и устойчивых законов, приобрели характер постоянного движения и становления, неустойчивости и перманентности изменений.

Властная и всеобщая методологическая сила философии, объединяющая и скрепляющая научное знание, создающая его единство, сегодня трансформируется в демократические встречи рефлексивных философских установок с конкретным содержанием различных наук и конкретной предметной практикой. Результат встречи – появление частных методологий, «локалов» (Ж. Деррида), неклассическая философизация наук как следствие передачи им специфически философских способов работы и устранения той ситуации, которую М. Хайдеггер квалифицировал как «наука не мыслит». Приобретая философские способы работы, наука начинает «мыслить», становится рефлексивной, ибо перенимает от философии способность осознавать методы собственной работы. Попытки ревизии философских основ воздействуют на науку, меняя её в сторону подобной же демократизации знания, его отказа от единого центрирующего начала и принятия идеи возможной плюрализации.

Социальные науки, в том числе науки о праве, не находясь в изоляции от общей тенденции развития научного и философского знания. Реализуя себя, философская неклассика по-новому онтологизирует и такой социальный фрагмент мира, который оформляет в юридических науках правовую сторону социальности. С этим и связан возможный пересмотр содержания этих наук. Замечая изменения в способах собственных концептуализаций, они не могут не рефлексировать по поводу новых подходов как к понятию права, так и ко всей проблематике правовых отношений.

Что в этом смысле можно было бы иметь в виду, когда сегодня объясняем возможность трансформаций понятий права и правовых отношений? Исходным основанием для ответа на этот вопрос является понимание возможностей неклассического стиля философского мышления.

Основное, на что обращается внимание, – это, во-первых, антропологический разворот философии, изменение всей проблематики, связанной с бытием человека. Новому культурному состоянию мира должен соответствовать новый антропологический круг проблем и тот культурный герой, который бы обладал адекватным способом ориентации в нём. Во-вторых, культура конца XX в. знает полисмысловое единство, культурное «многоголосье» как специфически бытийственное человеческое окружение. Поэтому в ракурсе философских трансформаций предлагается и новое видение социальных онтологий, выстраиваемых ранее лишь во всеобщем плане, без учёта индивидуальности и уникальности человеческих культурных норм и ценностей. Поликультурное состояние в число легитим-

ных для философии проблем включает случайное и единичное, каждый раз уникальное бытие отдельного человека. Культ относительного и множественного пришёл на смену идее всеобщего Абсолюта.

Противоречие, однако, состоит в том, что понимание права до сих пор выстроено на основах классических форм концептуализации, предлагающих понятийное видение мира, возведение конкретных форм наличной множественности сущего к всеобщей сущности понятия. Изживание прежних культурных образцов осуществляется раньше создания их как новых. В итоге современная философская рефлексия о бытии человека в культуре вообще, в том числе в культуре правовых отношений, не подкрепляется практическим поведением социокультурных институтов. Речь идёт не столько о скорейшем и прямом внедрении в практику социальной жизни всех философских новаций, сколько о необходимости рефлексивного отношения к ним различных наук и обсуждения практических возможностей самой «бесполезной» из них, по словам Аристотеля, науки – философии. Аристотель не просто иронизировал над теми, кто не видел «пользы» философии, он этот тезис опровергал собственными открытиями в философии (открытием науки логики), имеющими непосредственное значение для развития науки.

И сегодня философия помогает в поисках выхода из названной противоречивой ситуации. Философская гипотеза решения поставленной проблемы состоит в возможности переосмысления понятия права. Дело в том, что современное понимание права и правовых отношений должно быть приведено в соответствие с реальными условиями социума и культуры. Это, в свою очередь, связано с необходимостью науке о праве учесть в качестве специфики своего предмета ту самую «переходность», которая репрезентирует социальную динамику сегодня. Как это возможно?

В ответе на этот вопрос становится важным найти и привлечь внимание к таким методам научного исследования и способам теоретического оформления человеческого поведения, которые бы основывались на понимании философских оснований нынешней социальности и культуры и которые оказались бы адекватны новому характеру культурной и научной онтологии. В условиях новой онтологии социокультурной реальности институтом науки и той его областью, которая нас интересует в данной статье – наукой о праве, – должны быть найдены эти методы и способы. Они, конечно, предстают в необычной для классической позиции форме, но форма эта вполне адекватна современной неустойчивости и онтологической подвижности.

Так, для «частных» научных методологий, для методологии науки о праве, в том числе, сегодня можно было бы обратить внимание на познавательный потенциал таких методов научного познания и способов существования человека, как игра [4] и риск [4. С. 71; 5. С. 3, 51; 6. С. 19; 7]. Версии анализа с игровых позиций, а не в логике устойчивости тех ситуаций, с которыми встречается наука о праве, имеют право на существование, если они увидят себя частью современной культуры как культуры динамичной, меняющейся, реализующей себя в безосновности «переходов» и «разрывов». Эти версии требуют специального изучения и

могли бы базироваться на современном способе понимания игры как одном из направлений стратегии переосмысления наследия классической философии.

Философская неклассика имеет интенцию к разрушению основ логоцентристского мышления, зажатого в строгие рамки необходимой оппозиции «серьезное/игровое». Современные онтологии, разрушая логику бинарных оппозиций, полагая возможность игровых методов исследования, таких как «шизо-анализ» (Ж. Делёз), «политическая технология тела» (М. Фуко), «символический обмен», «либидинальная экономика» (Ж.-Ф. Лиотар), «грамматология» Ж. Деррида), по-новому могли бы увидеть субъекта правовых отношений и сыницировать в юридических науках возможность нового антропологического проекта (например, допустить его базирование на игровой субъективности).

Введение игры в юридическую сферу звучит, однако, вопросительно, хотя на разных уровнях культурной деятельности она уже правомочно эксплицирована. Но возможна ли игра в правовых отношениях и в науке о праве? Допустимо ли включение в правовые отношения игровой субъективности? Это вопросы для обсуждения представителей юридических и философских областей знания и практики. Если современная культура допускает подобного рода вопросы, следовательно, она в чрезвычайной степени чувствует «усталость» от той серьезности, которая зажимала в строгую классическую схему правовые отношения. Классическое право базируется на понимании человека, помещенного в мире абсолютной и формальной, вечной и неподвижной онтологической схемы. Здесь господствует логическая серьезность и закон, не способные схватить многоцветья и многоголосия живой реальности, но фиксирующие её во всеобщности понятийных форм. Человек в таком мире имеет сущностный стержень, ему предписываются условия, пребывая в которых он также необходимо и закономерно формирует себя. Он логично и рационально возводит себя до заданной обществу формы. Главное для него найти ту колею, которая гарантирует от несоблюдения всеобщего закона и предписанного без внимания к уникальной субъективности, для всех равного права. Игра для такого мира, конечно, не может быть адекватным способом существования, и рассматривать её в качестве способа устройства, познания и использования правовых отношений было бы также неверно. Поэтому, находясь в рамках классического стиля мышления, Гегель был прав, говоря о том, что в правовых отношениях интерес представляет «идея совести», но не совесть отдельного, «вот этого» индивида. Современное же – неклассическое – понимание правовых отношений «вытягивает»

человека из этой схемы. Оно базируется на преодолении представлений о человеке как центрированном вокруг рационально заданной извне сущности и найденной формы. Динамичная и репрезентированная «переходами» социальность не позволяет сложиться ни центрации, ни сущности. Современный субъект не ищет свой единственно верный образ, на основе которого мог бы построить собственную идентичность. В мире постоянного движения и изменения, в хаосе самоорганизующейся социальности идентичность вечно ускользает, ибо человек находит себя всегда на границах перехода к иному, к себе как Другому. Он, чтобы соответствовать современной социальности, должен спешить за её изменениями. Но что остаётся от субъекта при постоянстве его перехода к себе как Другому? Он, кажется, исчезает как сущностное существование, теряет «Я», его идентичность теряется.

Но это и есть существование в игре, где не предполагается необходимости быть одномерным и жёстко детерминированным существом и где человеческая целостность восстанавливается не рационально-логичным, но «надрационально-игровым» способом. В игре человек подчинён не жёстким законам объективно существующей реальности, но реальности условного, возможного мира. Поэтому именно игра формирует человека, адекватного многоуровневой, хаотичной действительности «переходов» и способного на общение с возможным, условным, недействительным. Игровое, неклассическое мышление помещает его, живого, столь же рационального, сколько и иррационального, не в онтологическую рационально сконструированную схему реальной действительности, а видит его в онтологическом хаосе мира повседневности. Это мир многоуровневой, хаотичной действительности, и игра становится в нём адекватным способом ориентации. Сегодня игра утверждает не традиционно бытийственные черты лёгкости и отвлечения от реальности. Напротив, современная игра – это способ существования в динамике, в хаосе, в постоянных «переходах», в бессосновности «разрывов».

Как конкретно это может выразиться в изучении права? Какими могут быть новые методики исследования поведенческих моделей современного человека? Может ли столь серьёзная тема – тема права – связать себя с игрой? Все эти вопросы встают сегодня как актуальные. Они находятся в русле общего пафоса современной эпохи – пафоса деконструкции. И хотя в этом пафосе мало различимы позитивные и созидательные идеи, но это не даёт права сомневаться в существовании их, в первую очередь, как созидательных. А следовательно, встаёт необходимость поиска новых средств и методов исследования различных сфер социокультурной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003. 272 с.
2. Лакан Ж. Четыре основных понятия психоанализа. (Семинары: Книга XI). М.: Гнозис / Логос, 2004. 304 с.
3. Лехциер В. Феноменология «пере-»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. Самара: Самар. ун-т, 2007. С. 32.
4. Голобородова Т.Н. Феномен игры в культуре постмодернизма: проблемы философского анализа: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2000. 21 с.
5. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи. М.: Мысль, 1998.
6. Зубков В.И. Введение в теорию риска (социологический аспект). М.: ИНИОН РАН, 1998.
5. Зубков В.Н. Проблемное поле социологической теории риска. М., 2001.
6. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 июня 2009 г.